

СОВРЕМЕНИКЪ.

**ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕ-
РАТУРЫ, ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ,
НАУКИ И ИСКУССТВА.**

№ 2.

ФЕВРАЛЬ

1915.

НОВЫЯ КНИГИ.

Съверные города.

Б. И. Дунаевъ. Дѣйствительный членъ Московскаго импера-торскаго археологическаго общества: Городъ Сольвычегодскъ. Москва. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

Б. И. Дунаевъ. Съверно-русское гражданское и церковное зод-чество. Городъ Вологда, Москва. 1914 г. Ц. 3 р.

Г. К. Лукомскій, Вологда въ ея странѣ. Изд. Сѣв. кр. люб. изящ. искус. СПБ. 1914 г. Типографія „Сиріусъ“ 360 ст. 2 изданія, Ц. 3 р. 75 к. и 3 р.

Древне-русское искусство во всѣхъ его проявленіяхъ, несмотря на самое старательное изученіе, которое особенно горячо ведется въ послѣдніе годы, отнюдь не изучено. Не только на далекомъ съ-верѣ, где каждый памятникъ ждетъ своего талантливаго изслѣдова-теля, а даже въ Москвѣ, Ярославль, Новгородѣ до сихъ поръ еще остаются не оцѣненными многія произведения искусства.

Понадобится нѣсколько поколѣй ученыхъ и художниковъ, прежде чѣмъ можно будетъ перейти къ систематическому составле-нию исторіи русскаго искусства. И вотъ, когда передъ Б. Дунаевымъ находились съверные памятники, съ художественной стороны со-вершенно не затронутые изученіемъ, только, извѣстные въ литературѣ по древне-русскому искусству, упоминаемые тамъ бывло и кстати, для полноты картины—то ли не раздолье было поработать и внести въ изученіе старины свою лепту.

Б. Дунаевъ ограничился пересказомъ старыхъ серьеznыхъ ра-ботъ П. Савваитова, Н. Суворова, И. Степановскаго и др. по исто-рии городовъ Вологды и Сольвычегодска. Для ученаго, любящаго искусство, научная совѣсть котораго высоко настроена, торопливое выбрасываніе на рынокъ одной книжки за другой, особенно съ пе-реложеніемъ чужихъ мыслей, совершенно недопустимо. Какъ разъ этой торопливостью объясняются ошибки и неточности, находя-щіяся въ работѣ Б. Дунаева. Говорить намъ придется, главнымъ образомъ, о „Сольвычегодскѣ“, ибо въ этой книгѣ Б. Дунаевъ по-рядкомъ понапуталъ даже въ заимствованномъ материалѣ и дока-заль свою полную неподготовленность къ художественному изслѣ-дованию памятниковъ старины. Такъ, въ одномъ мѣстѣ Б. Дунаевъ сообщаетъ: „въ 1607 году Андрей Строгановъ былъ пожалованъ съ потомками въ именитые люди“. Въ „именитые люди“ были пожа-лованы въ 1610 году, а не въ 1607 году, царемъ Василиемъ Шуй-скимъ правнуки основателя рода Строгановыхъ Федора Лукича Строганова, Максимъ Яковлевичъ и Никита Григорьевичъ—самые знаменитые члены Строгановской фамиліи, а отнюдь не Андрей Строгановъ.

Относительно строгановскихъ „вкладовъ“ въ церкви русскаго съвера слѣдовало сказать опредѣленіе, называя мѣста „вкладовъ“, а не бросая чимоходомъ: „разсѣяны во множествѣ“. Явное пре-увеличеніе.

О построеніи Григоріемъ Строгановымъ Введенскаго монастыря Б. Дунаевъ пишетъ: „мѣстныя преданія разсказываютъ, что Строгановъ выписывалъ мастеровъ изъ-за рубежа, приѣгая къ ихъ по-моши при постройкѣ храма; чертежъ же соборного фасада будто бы былъ сдѣланъ въ Голландіи“. Типичный храмъ въ стилѣ позд-ниаго московскаго барокко, а не какого-то „руссскаго барокко“, какъ называетъ Б. Дунаевъ, онъ готовъ отдать зодчemu-голландцу.

Что же голландского въ пышной нарядности оконъ, въ изумительномъ крыльцѣ въ связи съ прекрасной двухэтажной крытой галерей, единственной въ Россіи, въ ея цвѣтныхъ изразцовыхъ панно, во всемъ этомъ необыкновенно роскошномъ и удивительно построенному храмъ?

Невѣрно прочтена Дунаевымъ стѣнная запись въ Благовѣщенскомъ соборѣ, относящаяся къ именамъ московскихъ иконниковъ XVII вѣка.

Вмѣсто Стефана Ярофеева, надо читать Стефана Арефьеву.

Перечень досадныхъ обмолвокъ на этомъ можно и закончить.

Но вотъ процитую нѣсколько мѣсть изъ „Сольвычегодска“, болѣе отвѣтственныхъ и важныхъ, показывающихъ, какими странными описаніями памятниковъ наполнена эта книга. „На врата, на верхъ надъ ними и на фигурчатые столбы по бокамъ наброшены легкій, какъ кружево, ажурно-прорѣзной металлической покровъ“. „Храмъ—двуэтажный галлерейного типа“. Церкви эти (сужденіе о девяти приходскихъ храмахъ И. Е.) интересны не исключительностью мотивовъ своей архитектуры, а тѣмъ, наоборотъ, что наглядно служатъ показателями, какое огромное влияніе имѣть иногда на мѣстное зодчество готовый архитектурный образецъ(?). Сольвычегодскіе пріемы сводятся къ тремъ такимъ образцамъ—типамъ(?), причемъ особенно замѣтно копированіе (?) на примѣрѣ двухэтажнаго „корабельного храма“. „Храмъ опоясанъ карнизами, точеными балюстрадами, осыпанъ характерными для этого стиля („руssкое барокко“). Б. Дунаевъ) раковинами и другими декоративными мотивами и т. д. и т. п.“.

Определенія Б. Дунаева настолько выразительны, что мы положительно затрудняемся оспаривать ихъ.

Въ книгѣ „Вологда“ Б. Дунаевъ ограничился бѣглымъ перечисленіемъ всѣхъ церквей города, пользуясь „Вологодской стариной“ И. Степановскаго (1890).

„Вологда“ иллюстрирована жалкими микроскопическими снимками, на которыхъ не видать ни одной интересной архитектурной детали.

Оцѣнки Вологодскихъ памятниковъ отличаются такой же категорической опредѣленностью, какъ оцѣнки и Сольвычегодскихъ памятниковъ.

Полной противоположностью „трудамъ“ Б. Дунаева является книга „Вологда въ ея старинѣ“, составленная частью членами сѣверного кружка любителей изящныхъ искусствъ, частью Г. К. Лукомскимъ, окончательно проредактировавшимъ всѣ отдѣлы.

Это дѣйствительно нужная книга, основательный справочникъ, какъ бы инвентарь художественныхъ сокровищъ Вологды.

Будучи первой работой по Вологдѣ въ смыслѣ художественного подхода къ памятникамъ старины, а не археологического, какъ было до сихъ поръ, она по кажется мѣстами особенно дорогой любителю старого художества. Новый изслѣдователь, который пожелаетъ углубиться въ хранимыя Вологдой сокровища, несомнѣнно не минуетъ вліянія этой книги.

А новый изслѣдователь будетъ, долженъ быть, потому что все же, при всѣхъ наличныхъ достоинствахъ книги, она не совсѣмъ безупречна: она растрепана, нестройна, излишне говорлива и общая, а въ концѣ концовъ поэтому и не даетъ отчетливо индивидуального лица города. Мы въ каждой строкѣ видимъ искреннее намѣреніе составителей проникнуться художественностью, памятниковъ и разсказать объ этомъ читателю, но какъ видится, не всегда добрыя желанія соотвѣтствуютъ средствамъ исполненія.

Собственно, вполнѣ удачными отдѣлами книги надо назвать только „архіерейскій домъ“, „памятники гражданской архитектуры“ „усадьбы“.

Хорошо, любовно, увлекательно возсозданы усадьбы, окружающие Вологду.

Въ отдѣль „памятники гражданской архитектуры“ есть нѣкоторые пропуски и неправильности: не указанъ хорошей постройки Александровскаго времени двухэтажный особнякъ на Фрязиновской набережной (Больница Губ. Зем.), оригиналъ особнякъ на Власьевской улицѣ и проч. Домъ Линдеръ дѣйствительно построенъ въ XVIII в. (смотри цифру въ нижнемъ медальонѣ по фасаду, тутъ же можно замѣтить, три инициальныхъ буквы—должно быть автора (?) постройки *Л. Е.*), но крыльцо, ведущее во второй этажъ и показавшееся составителямъ стариннымъ, на самомъ дѣлѣ пристроено нынѣшнимъ владѣльцемъ Линдеръ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Пристройка была вызвана открытиемъ во второмъ этажѣ аптеки,—такъ что считать крыльцо одновременнымъ зданію нельзя. За исключеніемъ этихъ незначительныхъ недочетовъ весь очеркъ написанъ живо и выразительно.

Отдѣль, занятый описаніемъ всѣхъ церквей (для чего?), надо назвать положительно монотоннымъ, особенно вялы и неимовѣрно скучны „Прилуцкій монастырь“ и „Соборы“.

Помимо общихъ недостатковъ слѣдуетъ отмѣтить нѣсколько частныхъ досадныхъ недосмотровъ. Такъ, напр., въ лучшей церкви г. Вологды Варламо — Хутынской, что въ Каменѣ, постройки 1780 года, составители отмѣчаютъ величественные печи—монументы въ стилѣ храма. На самомъ дѣлѣ печи въ стилѣ дурного декаданса, поставлены десять лѣтъ назадъ на мѣстѣ бывшихъ старинныхъ изразцовъ, исчезнувшихъ безслѣдно, навѣрное проданныхъ на сломъ, какъ были проданы еще недавно соборные изразцовые печи мѣстному старьевщику, а послѣднимъ перепроданы московскимъ антикварамъ по кирпичу. Оклады въ церкви Иоанна Предтечи, что въ Рощенѣ сдѣланы купцомъ Леденцовымъ въ 1859 году изъ старыхъ серебряныхъ съ прибавленіемъ по 5 и по 10 фунтовъ новаго серебра, какъ обѣ этомъ сообщается въ приходо-расходныхъ книгахъ церкви. Относить оклады къ Елисаветинскому времени немыслимо (152 стр.). У прекрасной Владимирской звонницы не отмѣченъ замазанный изразцовый поясокъ, опоясывающій нижній четырехграникъ.

Вологодскія фрески (въ четырехъ церквяхъ) остались совершенно неоцѣненными ибо нельзя считать оцѣнкой цитату въ нѣсколько строкъ изъ „Ист. рус. искус.“ И. Грабаря и коротенькихъ собственныхъ замѣтокъ. Къ тому же, составители ошибочно восторгаются деталями росписей, напр. въ Иоанно-Предтеченской церкви, какъ разъ относящимися къ позднѣйшимъ поновленіямъ.

„Вотъ святые — пишутъ составители — на землѣ, по которой они ступаютъ, растутъ цветы — богатѣйшая флора — огромныя маxровыя чашечки, колокольчики, розаны, цветы — плоды, мясистые фантастическія тюльпаны, изогнувшіеся подъ тяжестью своихъ яркихъ, напоенныхъ лепестковъ. Вотъ лѣсь фантастической — скалы, поросшія кустарниками, летаютъ стан птицъ, присѣли тихо кролики, выступаютъ важно, изящно олени“. (148 стр.).

Къ этому описанію надо прибавить съ восточного паруса церкви описание города, а надъ нимъ грозы, клубящіеся облаковъ, словомъ, современной картины „съ настроениемъ“.

Всѣ эти цветочки, цветы — плоды, тюльпаны, облака и проч. въ неумѣренномъ количествѣ появились, навѣрное, во время Леденцовскихъ покрасокъ въ 1859 году, ибо трудно даже допустить, чтобы все это безвкусіе было написано иконникомъ, хотя бы и начала XVIII вѣка.

Старый иконникъ зналъ мѣру, онъ писалъ дерево, оленя, зданіе, но онъ не занимался облаками, грозами и „ландшафтами“.

Вологодскія фрески заслуживаютъ болѣе специального изслѣдованія, какъ завершительная работа нѣсколькихъ вѣковъ, какъ послѣдний взмахъ кисти, когда то находившейся въ рукахъ Дионисія Ферапонского.

Много и некстати въ книгѣ восторгаются разнообразными ящиками, аналоями, кіотами и примитивными украшениями самыхъ обычныхъ иконостасовъ.

Неправильна замѣтка о чудесномъ барочномъ иконостасѣ въ церкви Дмитрія чудотворца, что на Наволокѣ.

Разсматривая Дмитріевскій иконостасъ, составители пишутъ: „едва ли онъ во многомъ уступитъ иконостасу церкви Федора Стратилата”. (стр. 131). Но тутъ сущее недоразумѣніе. Наоборотъ иконостасъ въ церкви Федора Стратилата почти копія съ деревяннаго рѣзного Дмитріевскаго иконостаса, онъ гипсовый, сдѣланъ однимъ богоугодствующимъ арестантамъ изъ городской тюрьмы двадцать лѣтъ назадъ. А поэтому, нельзя ни сравнивать Федоровскій иконостасъ съ Дмитріевскимъ иконостасомъ, ни тѣмъ болѣе относить его къ половинѣ XVIII вѣка (155 стр.). Стиль иконостаса въ ц. Срѣтенія опредѣленъ, какъ *faux gothique*; невѣрно. Иконостасъ у Срѣтенія, несмотря на его позднее освященіе (1837 г.); ампирный.

Совершенно излишними, только загромождающими книгу, надо считать „материалы по истории Вологды“ (приложенія).

За книгой Г. Лукомскаго останется основоположничество въ художественномъ изученіи Вологды. Старая книга И. Степановскаго „Вологодская старина“ (огромное собраніе свѣдѣній всякаго рода о Вологдѣ) и „Вологда въ ея старинѣ“ Г. Лукомскаго, надолго останутся книгами-пособіями для дальнѣйшихъ работъ по Вологодскому искусству.

Если въ содержаніи книги Лукомскаго есть недостатки, то во внѣшности недостатковъ нѣтъ, или очень мало. Тонкій графический талантъ Сергѣя Чехонина соединился со вкусомъ такого гурмана книгопечатанія, какъ Г. Лукомскій—и книга вышла образцовой. Хороши въ ней почти всѣ воспроизведенія, со вкусомъ выисканы точки сниманія, хотя далеко не всѣ (см. 209, 224, 257, 259, 260, 265, 283, 291, 292, 293, стр.), четокъ и благородень шрифтъ, приятна бумага, а главное—очаровательна обложка Сергѣя Чехонина—перерисованный со стараго гербовника 1730 года гербъ города Вологды.

Иванъ Евдокимовъ.

P. S.